
Оригинал находится здесь: [Народная Библиотека Максима Горького](#)

Николай Семёнович Лесков – уроженец одной из наиболее тёмных губерний Московской области, он – орловец. На родине его и до сего дня сохранились "курные" избы, печи в них без труб и топятся "по-чёрному", так что весь дым валит в избу, выедавая глаза её обитателям, покрывая стены и потолок густым слоем сажи. Эти первобытные логовища очень дороги орловскому народу, – Лесков в рассказе "Загон" интересно описал, до чего крепко привыкли мужики к своей "курной" избе.

Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать – дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная, рассказы которой – как он сам говорил – были "то сладкою сыт'ой кисловатому киселю жизни, то – полезной горчицей жирному свинству её".

Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине – в области несколько иного быта, иной культуры, а пожить на чужой стороне – всё равно, что посмотреть на себя самого чужими глазами. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется "душою народа".

Литературная деятельность Лескова началась тяжёлой для него драмой, которая могла бы и не разыгаться, если б русские интеллигентные люди умели относиться друг к другу более внимательно и бережно, – что и до сего дня необходимо ввиду количественного ничтожества интеллектуальных сил в нашей стране. Но издревле русские люди болеют стремлением "разбрестись" розно, и в первый же год своей работы в Петербурге Лесков получил удар в сердце, совершенно не заслуженный им.

Летом 1862 года в Петербурге возникли подозрительные частые пожары, кто-то пустил слух, что это от поджогов, а поджигают студенты. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтоб власть или представила ясные доказательства участия студентов в поджогах, или немедленно и решительно опровергла клевету на них. Легкомысленные люди истолковали статью так, что будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Он неоднократно опровергал это злостное недоразумение, но ему не поверили, ибо всегда и легче и как-то приятнее осудить человека, чем оправдать его; а у нас, на святой Руси, осуждают ближнего с таким наслаждением самолюбования, что, можно думать, родоначальником русского племени был описанный в евангелии фарисей.

Опрокинутый нелепым обвинением, не имея друзей и защитников, не сумев защитить сам себя, Лесков, новичок и чужой в литературном мире, уехал в Прагу, потом – в Париж и там, страдая от обиды, нанесённой ему, дал – к сожалению – волю чувству мести, написав книгу "Некуда" – нечто вроде хроники "на злобу дня". В этой книге интеллигенция шестидесятых годов была изображена довольно злостно и, между прочим, некрасиво описан умный и талантливый писатель В.А.Слепцов – автор очень хорошей повести "Трудное время". "Некуда" – книга, прежде всего, плохо написанная, в ней всюду чувствуется, что автор слишком мало знает людей, о которых говорит. Задача книги – обличение "нигилизма"; так называлось настроение умов молодёжи той эпохи; возбудителем нигилизма было юношески дерзкое желание сразу, одним махом порвать все связи с прошлым страны, только что освобождённой от векового рабства, очиститься от всех наслоений политического и церковного гнёта, особенно тяжкого и бессмысленного в годы царствования Николая Первого.

В героическом порыве молодёжи выпрыгнуть из гнилого, ржавого болота дореформенной жизни коренилось здоровое начало, – этого Лесков не понял или недостаточно оценил значение этого буйства. Но трезвый ум его, доступный сомнению, хорошо понимал, что прошлое – горб каждого из нас, что человек лучше всего выпрямляется только силою непрерывного, но осторожного